

Самиржон .

ВОЗМОЖНОСТИ БЕЗ ЖЕЛАНИЯ

Самиржон . . ВОЗМОЖНОСТИ БЕЗ ЖЕЛАНИЯ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73533733

SelfPub; 2026

Аннотация

Глубокая психологическая история о девушке, которая, имея всё – материальное благополучие, любящую семью, возможности для развития – не может найти своё истинное призвание. Алия растёт в атмосфере абсолютного достатка и родительской заботы, но страдает от отсутствия внутреннего огня и неспособности определить собственные желания.

Книга исследует парадокс внутреннего опустошения на фоне внешней идеальности жизни. Через историю главной героини автор раскрывает темы поиска себя, кризиса идентичности, отношений с родителями и важности обретения собственного голоса.

Самиржон . ВОЗМОЖНОСТИ БЕЗ ЖЕЛАНИЯ

ВОЗМОЖНОСТИ БЕЗ ЖЕЛАНИЯ

История девочки, у которой было всё — кроме одного: она не знала, чего хочет.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том этой хроники повествовал о юноше, чья душа была раскалена добела неистовыми желаниями, но чьи руки с самого рождения были скованы железными путами нужды. Та история была гимном преодоления. Эта же летопись принадлежит той, чья чаша бытия всегда, сколько она себя помнила, была полна до самых краев, грозя расплескаться от малейшего неосторожного движения.

У неё было всё, что для других оставалось недостижимым, почти мифическим идеалом: незыблемые, надежные стены дома, которые не просто защищали от стихий, но были насквозь пропитаны живым, обволакивающим материнским теплом. Её уверенность в завтрашнем дне не была плодом мучительных усилий — она была гарантирована звон-

кой, полновесной монетой и нерушимым статусом семьи. Жизнь Алии напоминала безупречную мозаику, собранную из самых дорогих и редких деталей: лучшие наставники, чей взор всегда был обращен к ней с почтительным ожиданием; пестрый, ослепительный калейдоскоп увлечений, где каждое любопытство удовлетворялось прежде, чем успевало стать страстью; летние странствия к лазурным берегам и беззаботный, серебристый смех, естественным образом вплетенный в уютную канву вечерних разговоров.

Отец являлся на школьные торжества не из чувства тяжкого, формального долга и не раз в год, материализуясь из тумана отсутствия, – он приходил по первому зову сердца, готовый разделить каждый триумф своей дочери. Мать дарила ей объятия и слова признания щедро, авансом, еще до того, как девочка успевала ощутить в них потребность. В этом выверенном, стерильном и совершенном мире, где каждый шорох был предсказуем, отсутствовало лишь одно-единственное звено.

Алия не знала жажды.

Речь шла не о капризах за изысканным завтраком и не о мимолетных прихотях изнеженного ребенка. Она не знала той самой экзистенциальной жажды – острого, жгучего, жизненно необходимого смысла самого пробуждения. Её существование не было омрачено ни единой тенью подлинного, очищающего страдания – оно было окутано абсолютным, ватным штилем. В её душе не было ни боли, ни созидатель-

ного пламени. Лишь ровная, зеркальная и бесконечная гладь благополучия, за которой не виделось дна.

В восемнадцать лет она переступила монументальный порог медицинского университета. Но в её шагах не было трепета соприкосновения с мечтой или сакрального алкания быть нужной миру. Она вошла под эти своды по инерции чужой, властной воли, по привычке следовать проторенной, усыпанной цветами тропе. Просто потому, что в великом и холодном слове «надо», продиктованном её окружением, так и не нашлось места для её собственного, тихого и невысказанного «хочу».

Это – исповедь о неизбывной внутренней пустоте, сокрытой за безупречным, сияющим фасадом абсолютного процветания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Детство. Когда всего много – и этого как будто мало

Рассвет в их просторном, залитом мягким светом доме никогда не был внезапным вторжением нового дня; он был подчинен строгому, почти литургическому, незыблемому ритуалу, который десятилетиями выстраивался как защита от любого хаоса. Мать, верная своему негласному кодексу безупречной хозяйки и хранительницы очага, пробуждалась первой, когда город еще только начинал стряхивать с себя остатки ночного оцепенения. К семи часам само простран-

ство кухни, стерильно чистое и согретое дорогим деревом, уже насквозь пропитывалось благородными, густыми ароматами свежемолотых кофейных зерен и едва уловимым, домашним запахом поджаренного хлеба.

Отец являлся к столу в облаке утренней неги, сонный, подчеркнуто добродушный, облаченный в безукоризненный домашний халат, который сидел на нем так же ладно, как и деловой костюм. Он неизменно, с какой-то рыцарской нежностью, касался губами щеки жены и наполнял свою тяжелую фарфоровую чашу, попутно рассыпая в воздухе те легкие, искристые шутки, что были его природным даром и оружием против любой серьезности. Мать отвечала ему искренним, мелодичным смехом, и этот звуковой фон создавал ощущение абсолютной безопасности, нерушимого ковчега, плывущего по житейским волнам.

Алия выходила к ним, вбирая в себя эту выверенную идиллию – физическое тепло, горьковатый пар кофе, родительскую нежность, – и послушно, словно перед зеркалом, примеряла на лицо мягкую улыбку. Так было положено. Так было правильно. В этой эстетике семейного утра она видела безупречный, мастерски исполненный натюрморт, в котором сама она была не просто зрителем, но важным, композиционно необходимым мазком кисти. Она знала свое место в кадре, знала нужный наклон головы и тембр голоса, который гармонировал бы с общей тональностью момента.

Однако внутри неё, за этим фасадом благополучия, цари-

ла мертвая, вакуумная тишина.

В этой внутренней тишине не было явной угрозы, не было крика или протеста – лишь пугающее, абсолютное отсутствие вибраций. Это состояние напоминало дорогой, лакированный радиоприемник, чей индикатор горит ровным, обнадеживающим светом, сигнализируя о полной исправности, но из чьих динамиков не доносится ни единого звука, ни одного живого шороха – лишь глухое шипение пустоты.

– Алиюшка, дорогая, завтрак уже на столе, – доносился до неё голос матери, нежный и заботливый, – тосты остывают, а у тебя сегодня такой насыщенный день. – Уже иду, мамочка, – мягко откликнулась Алия, и её голос звучал в точном соответствии с акустикой этого дома: не слишком громко, не слишком резко.

Она занимала свое привычное место за массивным столом. Механически, с грацией заведенной куклы, разделяла трапезу, разрезая хрустящий хлеб на идеально ровные ломтики. Вежливо, с долей деликатного участия, она отражала летящие в неё вопросы: о качестве сна, который всегда был спокойным и бездетным; о школьных планах, которые были предрешены; о расписании тренировок, которые должны были поддерживать её тело в форме, достойной её статуса. Каждая деталь её жизни была на своем месте, как экспонат в музее. Мир вокруг был в полном, неоспоримом порядке.

За исключением одного-единственного безмолвного вопроса, который бился в её сознании, как мотылек о стекло:

«Зачем?».

Тогда, в те безмятежные утренние часы, она еще не осознавала, что этот короткий, изъедающий душу вопрос станет её главным жизненным проклятием. Она просто смотрела на золотистую, аппетитную корочку хлеба, на солнечный зайчик, играющий на серебряной ложке, и думала: «Вот я. Вот это идеальное утро. Вот мои любящие близкие. Все декорации расставлены великим режиссером, мизансцена отточена до совершенства. И что дальше? Где во всем этом я сама?».

Никто из окружающих – ни пронизательный отец, ни чуткая мать – не улавливал этого внутреннего безмолвия, этого тайного дефицита смысла. Внешний фасад Алии был безукоризнен, он не давал ни единой трещины. Она улыбалась ровно тогда, когда этого требовала ситуация; она произносила именно те слова, которые ожидали услышать; она проявляла ровно столько вовлеченности, чтобы казаться живой и искренней. Она была «своей» в этом кругу избранных. Она была эталонной, образцовой дочерью, предметом тихой гордости и восхищения.

И именно в этой пугающей безупречности, в этом отсутствии шероховатостей и конфликтов, как выяснится гораздо позже, и таился ядовитый корень её невидимой катастрофы. Пока Арсен в своем холодном детстве мечтал о том, чтобы его просто заметили, Алия мечтала о том, чтобы хоть кто-нибудь увидел её настоящую сквозь ослепительный блеск её собственного благополучия. Но мир видел лишь натюрморт.

И натюрморт был прекрасен.

ГЛАВА 2

Семья Обитель безупречного штиля

Ее отца звали Рустам. В свои сорок два года он воплощал собой тот редкий тип мужчин, чью суть определяют коротким, но емким словом – «опора». Ведущий инженер на крупном предприятии, он был человеком предсказуемого ритма и незыблемой надежности. В его присутствии хаос отступал; он не заполнял пространство громким голосом или излишней суетой, но само его существование дарило окружающим штиль.

Любовь Рустама к дочери была деятельной и бесспорной. Он был безмолвным зрителем на каждом школьном празднике и терпеливым наставником над тетрадями по математике. Алия помнила его ладони на спинке своего первого велосипеда и негромкое: «Не бойся, я держу». Когда она оступалась, он подхватывал ее прежде, чем колено касалось асфальта, и его короткое «Ты как?» всегда звучало с подлинной, невыдуманной тревогой.

Мать, Елена, несла в себе иную мягкость. Педиатр по призванию, она обладала редким даром слышать то, что не было произнесено вслух. Дома она оставалась тем же чутким лекарем душ: замечала малейшую тень усталости на лице дочери, улавливала смену настроения по едва заметному дви-

жению плеч. Она умела просто быть рядом. Садилась на край кровати и ждала ответа столько, сколько требовалось, никогда не подгоняя и не обесценивая чужую печаль.

Это была по-настоящему добрая семья. В ней не было приторного совершенства кинодекораций – случались и нелепые споры, и вечерняя изможденность, и запах подгоревшего ужина. Но за всем этим стояло живое, пульсирующее тепло. Алия росла в коконе этой нежности. Ей не были знакомы ледяная тишина пустой квартиры или одинокий ужин у холодного окна. Она никогда не прислушивалась к шагам в подъезде, гадая, вернутся ли за ней сегодня.

Они всегда возвращались. Они всегда были рядом.

И именно это абсолютное благополучие породило в ней странную, почти постыдную немоту желаний.

Ей казалось это верхом неблагодарности. Алия часто терзала себя вопросом: «Что со мной не так?» Перед ней были любящие лица, за спиной – надежный тыл, но внутри не рождалось пламени. Она не знала того лихорадочного зова, который заставляет сердце биться чаще, а волю – требовать невозможного.

Она наблюдала за теми, кто был одержим. Подруга Таня жила танцем: возвращалась с репетиций в синяках, едва переставляя ноги от изнеможения, но ее глаза сияли первозданным, пугающим восторгом. Одноклассник-программист, которого за глаза называли «странным», пропадал в виртуальных мирах до глубокой ночи, совершенно утратив

чувство времени.

Алия смотрела на них как на существ с другой планеты. Откуда берется этот внутренний огонь? Нужно ли его искать, прилагая усилия, или он снисходит на человека как божественное откровение?

Ответов не было. Была лишь ровная, безупречная пустота.

ГЛАВА 3

Всего много

Мир Алии был выстроен из густого, обволакивающего и почти осязаемого избытка. Это не была вульгарная, кричащая роскошь, выставляемая напоказ; это было нечто более фундаментальное – само незыблемое ощущение «многого», которое, словно невидимый эфир, пропитывало каждую минуту её будней.

Её собственная комната была не просто жилым пространством, а настоящей цитаделью уюта – просторной, залитой мягким светом, обставленной с тем безупречным вкусом, который рождается из возможности выбирать лучшее. Она помнила, как выбирала эти стеллажи, касаясь кончиками пальцев прохладного, идеально гладкого дерева в дорогом магазине, чувствуя, как любое её мимолетное желание мгновенно обретает форму и вес. Книги в красивых переплетах заполняли полки без счета и лишних расспросов – стоило матери лишь уловить мимолетный интерес в её глазах, как

на тумбочке неизменно появлялся новый том. Добротные, качественные вещи, передовая техника, полное и абсолютное отсутствие самой идеи экономии – всё это создавало вокруг неё плотный, непроницаемый кокон комфорта, оберегающий от любых сквозняков реальности.

Затем последовала череда кружков и секций – бесконечная, утомительная вереница попыток нащупать в этой вате благополучия хоть какую-то искру подлинной страсти. Рисование сменилось лазурной гладью бассейна, углубленный английский – шумным танцевальным классом. Каждый новый сценарий развивался по одной и той же удручающей схеме: несколько месяцев образцово-прилежных занятий, аккуратное выполнение всех заданий, а затем – тихое, виноватое признание: «Мам, прости, мне... мне не очень нравится». Мать, чьё терпение казалось Алие безграничным и божественным, лишь понимающе и ласково кивала: «Ничего, Алиюшка, это поиск. Хорошо, мы поищем что-то другое. Твоё тебя ждёт». И они искали снова.

Но ни одно занятие, ни один учитель, ни один успех не оставляли в её душе того самого заветного «крючка», за который можно было бы зацепиться и вытащить себя из оцепенения. Всё в её жизни было неизменно «нормально» – это бесцветное, пресное слово стало тем серым фильтром, через который она созерцала мир. Штрихи графитового карандаша на дорогой бумаге – нормально. Упругое сопротивление воды под ладонями в бассейне – нормально. Ритмичная му-

зыка в танцклассе – тоже абсолютно нормально. Но за этим «нормально» никогда не следовало продолжения, не рождалось той лихорадочной жажды вернуться, которая была у других.

Однажды мать, пытаясь осторожно прощупать причину этого затянувшегося штиля, тихо произнесла в сумерках гостиной: – Алия, душа моя, возможно, ты просто ещё не встретила то самое, своё? То, ради чего сердце начинает биться по-особенному? – Возможно, – эхом отозвалась дочь, глядя на свои чистые, не знавшие тяжелого труда руки. – В этом нет ничего страшного. Найдёшь. Обязательно найдёшь. Жизнь велика, она раскроется перед тобой.

Алия безоговорочно верила ей. Авторитет матери в этом доме был незыблем, а её слова всегда воспринимались как истина в последней инстанции. Она убедила себя в том, что нужно просто набраться терпения. Что призвание – это некая внешняя, высшая сила, которая должна снизойти на неё, явиться сама собой, вспыхнуть в груди внезапным, всепоглощающим пожаром, не требуя усилий. Она ждала этого небесного огня так, как ждут спасения.

Она ждала. Год за годом, проходя сквозь юность, как сквозь туман. Но внутри, под безупречным фасадом, по-прежнему не было ни яркой искры, ни даже робкого, горьковатого дыма подлинного интереса. Была лишь тишина – стерильная, дорогая и бесконечно пустая.

ГЛАВА 4

Подруги

Окружение Алии было по-настоящему многолюдным, и это не было лишь красивой иллюзией социальной востребованности – это была констатация неоспоримого факта. Она обладала редким, почти магическим даром сопричастности, который, словно драгоценное наследство, передалось ей от матери. Умение слушать, глубоко и вдумчиво, сочеталось в ней с врожденной, какой-то природной способностью сопереживать человеку, не вынося приговоров и не пытаясь подогнать чужую боль под удобные шаблоны. К ней неизменно тянулись за тем особым, дефицитным чувством легкости, которое возникает лишь рядом с тем, кто умеет вовремя и точно произнести нужное слово, не обременяя собеседника собственной значимостью.

Ее ближайшей эмоциональной орбитой долгие годы оставалась Таня – та самая девочка-вихрь, чья жизнь была сплошным неистовым танцем на грани физического предела. Их дружба тянулась еще с третьего класса, представляя собой странный, но парадоксально прочный союз двух противоположных стихий: бушующего, непредсказуемого океана эмоций и спокойной, зеркальной, почти неподвижной глади. Таня всегда была эпицентром событий, источником шума и перемен – роковые влюбленности, кровавые драмы на

репетициях, громкие, надрывные ссоры и не менее бурные, слезные примирения. Алия же была её незыблемым якорем: она слушала, мягко направляла, исцеляла советом и просто была тем пространством, где Таня могла наконец перестать вращаться и просто выдохнуть.

Но однажды, в обычный вечер, наполненный запахом чая и уютными сумерками, привычный и безопасный сценарий их бесед дал глубокую, непредсказуемую трещину. Таня, глядя в упор своими горящими глазами, спросила прямо, без предисловий: – Алия, мы всё обо мне да о моих драмах... А чего хочешь ты сама? Ну, так, чтобы по-настоящему, до дрожи в кончиках пальцев? Чтобы просыпаться среди ночи от того, что идея не дает дышать?

Алия замерла. В этот миг ей показалось, что время в комнате замедлило свой бег. Она погрузилась в этот вопрос глубоко и пугающе честно, пытаясь нащупать в себе хоть какой-то отголосок, хоть крошечный отклик, но в ответ наткнулась лишь на всё ту же стерильную, бесконечную пустоту. – Не знаю, – выдохнула она наконец, и это «не знаю» прозвучало в тишине комнаты как признание в совершённом преступлении.

Таня посмотрела на нее с искренним, почти детским недоумением. В её мире, где желания всегда били ключом, такой ответ казался невыносимым. – Как это – не знаешь? Ну хоть какая-то мечта у тебя есть? Ну, не знаю, уехать в горы, написать симфонию, спасти мир? – Наверное, есть, – тихо ото-

звалась Алия, и на её губах появилась привычная, защитная полуулыбка. – Просто мы с ней, видимо, еще не встретились. Она идет ко мне с другой стороны планеты.

Таня рассмеялась – в этом смехе не было ни тени злобы или издевки, просто чистое непонимание человека, чье нутро постоянно требовало выхода энергии, самой мысли о подобном неведении. Для неё это было всё равно что забыть, как дышать. Алия поддержала этот смех, сделала его общим и мягко, с виртуозностью опытного дипломата, увела разговор в привычное, безопасное русло – она была непревзойденным мастером изящных отступлений в те моменты, когда почва под ногами становилась опасно зыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.